

от 15. ФЕВ. 1969
Газета №

г. Москва

№ 2309

КОМАНДИРОВКА ПО ПРОСЬБЕ ЧИТАТЕЛЕЙ

КОРОТКАЯ
ПАМЯТЬ

Татьяна ТЭСС

НА СВЕТЕ существует много карт, по которым можно составить представление о нашей земле, о ее реках и горах, лесах и суше. Но пытались ли вы хоть однажды представить себе воображаемую карту, где показано, как неожиданно скрещиваются жизненные пути очень различных людей, а потом вновь расходятся, каждый по своей орбите? Если вы пробовали это представить, то знаете, какие иногда открываются сложные жизненные пересечения, неожиданные «узловые пункты» чужой судьбы.

О великом русском певце Федоре Ивановиче Шаляпине написано много книг. В некоторых из них рассказано, как на заре своей юности Шаляпин, в ту пору опытный начинающий певец, оказался в Тифлисе без работы, без крова, без средств к существованию. По случайности им заинтересовался Дмитрий Андреевич Усатов, в прошлом известный оперный артист. Усатов разглядел в молодом певце талант необыкновенный и, будучи опытным педагогом, сразу понял, как может заблестеть такая драгоценность, если ее коснется умная и бережная рука. Он стал бесплатно давать Шаляпину уроки пения, занимался с ним постановкой голоса, разучивал оперные партии. Именно там, в Тифлисе, и началась деятельность Шаляпина как профессионального оперного певца: он поступил в труппу, руководимую дирижером Труффи. Из Тифлиса Шаляпин уехал в Москву, потом в Петербург, и дальше развлеклись триумфальные его выступления на лучших оперных сценах, принесшие ему мировую славу. Но первого своего педагога знаменитый певец никогда не забывал.

Имя Д. А. Усатова знакомо сейчас, пожалуй, лишь людям, знающим и любящим историю русского вокального искусства. От эпохи, к которой относится расцвет Усатова, как певца, нас отделяет целый век: это был один из известных теноров времени П. И. Чайковского. В тумане прошлого затеряна эта судьба. И почти не веришь своим глазам, когда она вдруг распаивается перед тобою снова в строчках пришедшего в редакцию письма, написанного рукой одной из учениц Д. А. Усатова, живущей ныне в Новочеркасске.

Письмо это, полное живости чувств, лишь особенностью литературных интонаций да быть может, несвойственной современному слогу обстоятельностью периодов напоминает о возрасте его автора. Но такая дана ему яркость красок, что со страниц его веет живое дыхание далеких дней. И вдруг видишь Ялту, какой она была, когда туда приехал из Тифлиса на покой Д. А. Усатов, представляешь его занятия с молодой ученицей, унаследовавшей от бабки-певицы редкостную музыкальность и южную пылкость характера, видишь его дом близ моря, который навещали все приезжавшие в Ялту певцы — и начинающие, и уже знаменитые, включая Шаляпина, — и старый педагог садился за рояль, а они пели для него и ждали с нетерпением его отзыва, упрека или похвалы...

Итак, вот она, воображаемая карта жизненных дорог, неожиданное ее пересечение, где на короткий срок коснулись друг друга столь различно прожитые жизни: великого Шаляпина, его первого педагога и одной из последних питомиц этого педагога. Бывшая молоденькая ученица — сейчас человек, как принято говорить, преклонных лет. Зовут ее Надежда Владимировна Важничая; в пору сценической деятельности она носила имя Андреевой-Отто.

О том, как сложилась ее судьба, Надежда Владимировна и рассказала нам в своем письме.

ЭТО БЫЛА судьба сложная и яркая, отмеченная значительностью и контрастностью событий, судьба, богатая встречами с интереснейшими людьми той поры. Время можно измерять по-разному: и листками отрывного календаря, и количеством пережитых событий. Когда мы говорим «большая жизнь», то, чаще всего, подразумеваем содержание этой жизни. Но с листками календаря тоже не поспоришь, их за годы жизни Н. В. Важничей отлетело много. И сейчас, когда в своем письме она раскладывает, словно псыанс, эти листки воспоминаний, то зримо представляешь яркость раннего расцвета, слышишь дальше эхо удивительного по красоте и гибкости голоса, шум оваций и вслед за ними неожиданный удар: потеря голоса, конец сценической карьеры.

Судьба привела ее в Новочеркасск, здесь прожила она немало лет и открыла для себя новую радость: выращивание цветов. И она, и ее муж страстно любили цветы, маленький сад возле их дома невиданно похорошел, из-за невысокой налитки плыла на улицу мегучая волна благоухания. Цветы, выращенные старой артисткой, экспонировались на городских выставках, она получала почетные грамоты, городской Совет, чтобы

облегчить ей уход за цветником, провёл в качестве премии на ее участок водопровод.

Годы шли, она похоронила мужа и осталась со своими цветами одна: старый человек возле вечно юной земли. И онять каждое утро маленький сад дарил ей множество новостей: то розовый куст выбросил прямой, как рапира, росток, то завязались первые бутоны на выведенных ею георгинах, то гортензия изменила за ночь свой цвет, словно ночная теплая тьма бесплунно трудилась, расплывая заново лепестки...

И вдруг грянул гром. Она получила извещение: один из новочеркасских заводов начинает строительство жилых корпусов, граница стройки пройдет через ее сад, отрезав с тыльной стороны часть участка. Она встретила эту новость без жалоб и без возражений. «Ну, что ж, город растет, людям нужно жилье» — сказала она. — Я понимаю».

Ранним утром она услышала рокот бульдозера. Машина работала на соседних участках, снося заборы. Найдя помощника, старая артистка весь день выкапывала уникальные цветы, за которые не так давно ее награждали грамотами, и пересаживала их в «лубя» участка, на безопасное расстояние от намеченной для строительства площадки. Наступила ночь, а они все продолжали работать: полная луна освещала кусты, крупние корни, на которых влжно чернела земля, опустевшие гряды... Утром бульдозер подошел к ее участку. Машина разбила старинный кладки каменный забор, переломала водопроводные трубы, распахала клумбы, где недавно цвели розы, — и отбыла. Ушли и строители, пообещав исправить все повреждения и поставить новую ограду. Наступила тишина. Пахнувшие сырým холодом траншеи обозначили границы будущей строительной площадки.

Прошло больше года. Траншеи высохли и заросли травой. Строительство так и не началось. А старая певица осталась на разоренном, неогороженном участке, с горестью наблюдая, как ее сад превращается в проходной двор и каждый новый день умножает его разоренье.

И ВОТ с письмом от Н. В. Важничей в кармане я приехала в Новочеркасск, на проспект Платова, 24, и вошла в пустынный маленький сад. День был бесснежный, ледяной ветер перекачивал, как сугробы, сухие листья. Не нужно обладать зоркостью детектива, чтобы заметить зияющие ямы на месте бесечно унесенных случайными прохожими кустов, обломанные ветки, грубо затоптанные клумбы. Ограды с тыльной стороны сада по-прежнему нет.

Дверь в дом открывается с трудом, из сеней с шипением выскакивают кошки, за ними понуро бредет слепой пес: здесь, видно, притрели всех бесприютных зверей округи. И вот, тяжело опираясь на палку, появляется хозяйка дома.

Я узнала ее сразу это лицо, на котором даже пергамент высушенной кожей не может скрыть былой красоты. Лицо, освещенное быстрым блеском глаз, полных интереса к людям, и событиям, к жизни. Здоровье старой певицы подорвано, но держится она молодцом: род ее из долговечных прабабка ее, донив более чем до ста лет, сама правила рулем, когда ей доводилось переплывать в лодке Дон. Мы начинаем разговор, и тотчас же новая моя знакомая с поразительной легкостью и свободой рассказывает передо мной ту волшебную книгу воспоминаний, в которую память человека вносит все, что ему дорого, все, что он пережил, увидел, узнал за долгую, долгую жизнь... Можно только изумиться тому, как глубока и сильна ее память.

И здесь я хотела бы сделать отступление и поговорить вот о чем. О памяти долгой и памяти короткой.

Память — не просто «регистрирующее устройство». В ней обязательно сказывается сущность самого человека, его отношение к факту, явлению, людям, степень его уважения к ним. Память не однозначна, она обладает способностью окрашивать то, что хранит, различными оттенками чувств. Не зря, наверное, люди, дая что-нибудь друг другу, говорят: «На добрую память». И как же важно, если человек, обратившись к другому человеку в трудную минуту, не должен долго и мучительно напоминать о себе, своем имени и вообще о своем существовании на белом свете, а может просто положиться на силу и уважительность чужой памяти...

Но бывает и память короткая, в которой как бы действует специальное реле, ограничивая точно положенный «срок хранения». Человек с подобным устройством памяти держит в ней данное слово или событие не дольше того времени, ка-

кое сам для этого отвел. Особенности такого человека заключается еще и в том, что в других обстоятельствах его нельзя назвать ни забывчивым, ни рассеянным: хитро устроенное реле выключает из его памяти только то, что он сам считает для себя необязательным.

Вам, наверное, доводилось нечто похожее наблюдать. Такой человек может, к примеру, начисто забыть лицо друга детства, если этот друг сейчас ему не нужен. Он забывает вовремя вернуть долг, хотя, когда занимал деньги, обещал отдать их в срок. Он забывает послать письмо к празднику старухе матери, — что за пропасть, вылетело это у него из головы, и все тут.

У некоторых людей подобные особенности памяти сказываются в иных обстоятельствах: тогда, когда по роду своей работы они сталкиваются с интересами других. Короткой памятью, видимо, обладают некоторые новочеркасские строители: пообещав Н. В. Важничей поставить вместо разрушенного другой забор по новой границе сада, они тут же начисто об этом забыли. И те работники горсовета, что исправно вспоминали о цветнике Важничей перед каждой выставкой, быстро позабыли и о ней, и о ее разоренном саде, и даже о просьбе старой женщины восстановить на ее участке разрушенный строителями водопровод. И главный архитектор города В. С. Кузнецов, без ведома которого не начинается ни одно крупное городское строительство...

Нет, главный архитектор о Н. В. Важничей не забыл. Он выслушал меня и отвечает твердо:

— У нее забор есть.

— У нее нет забора позади участка, — говорю я. — Сейчас я была там и видела это своими глазами.

— У нее забор есть, — отвечает главный архитектор непоколебимо.

— Вы, наверное, меня не поняли. Я только что была там. Нет у нее забора. У нее растаскивают не только цветы, но уносят дрова, веревки, белье, кастрюли с обедом... Поймите, это старый, большой, одинокий человек.

— У нее... — начинает снова архитектор, но я, мысленно считав до десяти, говорю, переведа дыхание: — Нет у нее забора. Нет. Давайте сейчас поедем туда, и вы в этом убедитесь.

Помолчав, главный архитектор обещает поехать на участок завтра. Уходя, я читаю в его глазах твердую надежду, что завтра я уеду из Новочеркасска и забуду обо всей этой истории.

Из Новочеркасска я действительно наутро уехала. Но об истории, как видите, не забыла. И недавно, наведя справки, узнала, что «у нее» забора по-прежнему нет. Так и живет старая женщина в разоренном проходном дворе, который еще недавно был украшавшим город садом и единственной ее радостью.

И здесь я еще раз хочу поговорить о короткой памяти.

Н. В. Важничая прожила в Новочеркасске немало лет. Здесь слышали в былые времена ее пение: о ней писали когда-то местные газеты. Новочеркасск — небольшой город, но в нем много людей, любящих и ценящих искусство: есть здесь и организация, занимающаяся вопросами культуры. Но с кем бы ни говорила я, никто не знает о живущей в городе старой певице, когда-то выступавшей в концертах вместе с Шаляпиным, лично знавшей Глазунова, Спендиарова, — человека сложной и незаурядной артистической судьбы.

В Новочеркасске много школ, в их числе есть и музыкальные. По всей вероятности, педагоги стараются знакомить своих учеников с неизвестными им страницами искусства, с примечательными биографиями мастеров. Неподдалеку от школ живет современница крупных русских музыкантов, с которой ребятам могло бы быть интересно побеседовать. Но о ней никто и не вспоминал.

В школах Новочеркасска есть тимуровцы, хорошие ребята, готовые помочь тому, кто нуждается в их помощи. Есть пионервожатые, организующие волю ребят к добру, ищущие для нее применения. Но они понятия не имеют о том, что рядом с ними находится больная, беспомощная женщина, которая попросту не в силах справиться с бытовыми заботами. А как было бы славно, если бы ребята, с их неутомимой веселой энергией, помогли бы привести в порядок ее запущенное, одинокое жилье!

ЛЮДИ наши душевно щедры. Всегда дорого видеть, как охотно и счастливо откликаются они на обращенное к ним доброе слово: всегда дорого ощущать идущую в ответ могучую волну отзывчивости и участия. Я уверена, что многие из них побывают у старой певицы, согреть душевным теплом ее жизнь.

Но как досадно, что им пришлось из газеты, выходящей в Москве, узнавать о том, что происходит рядом с ними в Новочеркасске.

И очень горько, что о судьбе человека порой забывают.